

УДК: 343.9

РЕЛИГИОЗНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ МЕСТ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ КАК ФАКТОР ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Игнатов А. Н., Абисова К. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается проблема религиозной радикализации современного общества, актуальность которой обусловлена тем, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием человеком. В процессе религиозной радикализации человек приобретает экстремистские взгляды, основываясь на радикальном вероучении у него происходит коренное деструктивное изменение сознания человека, формируется мотивация совершения противоправных насильственных актов, оправдываемых верой. Используя псевдорелигиозные ценности идеологи экстремизма и терроризма манипулируют как отдельными индивидами, так и массовым сознанием людей. Опасной тенденцией современности является религиозная радикализация мест принудительного содержания, происходящая на фоне стабильного роста количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Опасность религиозной радикализации заключенных состоит в возможности дестабилизации ими ситуации в местах лишения свободы, в возможности пополнения рядов экстремистов и террористов после освобождения из мест принудительного содержания. Детерминация религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, находится в прямой зависимости от состояния пенитенциарной системы каждого государства. Настаивается на необходимости усовершенствования деятельности ФСИН России в части изучения радикальных религиозных течений, выработке методик выявления радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращения и пресечения религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов.

Ключевые слова: религия, радикализация, места принудительного содержания, лишение свободы, экстремизм, терроризм.

Сегодня экстремизм и терроризм являются одной из основных угроз национальной безопасности нашего государства. При этом одной из наиболее массовых форм проявления данных деструктивных явлений выступает, так называемый, религиозный экстремизм и терроризм.

Как известно, именно кризисные явления в духовной сфере современного общества являются одной из основных актуальных проблем, несущих сегодня наибольший криминогенный потенциал, который все чаще проявляется в преступлениях экстремистской направленности и терроризме. Особую опасность скрывает в себе тот факт, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным эффектом или же прямым результатом чего являются проявления преступного насильственного поведения, процветание ксенофобии, экстремизма и терроризма. А само развитие технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека [1, с. 48-49]. Используя псевдорелигиозные ценности идеологи экстремизма и терроризма манипулируют как отдельными индивидами, так и массовым сознанием людей.

При этом наибольшую опасность несут в себе радикальные течения, возникающие в границах различных религиозных традиций и отделившиеся от них через критику и противопоставления основному вероучению. Религиозные радикалы стремятся бескомпромиссно доводить свои взгляды до логических и практических выводов.

Религиозный радикализм таит в себе большой деструктивный потенциал, поскольку ставит под сомнение значимые для общества ценности и отношения, и служит питательной средой для социального и религиозного фанатизма, который в свою очередь приводит людей к совершению противоправных действий [2, с. 8-26; 3, с. 151-156]. Религиозные организации или организации с отдельными чертами религиозности, ориентированные на религиозно мотивированный политический радикализм, ставят своей целью силовое изменение основ конституционного строя, разжигание национальной и религиозной ненависти и вражды и иную экстремистскую деятельность.

Религиозную радикализацию можно определить, как процесс, в ходе которого лицо приобретает экстремистские взгляды, основываясь на радикальном вероучении, предполагающем коренное деструктивное изменение сознания человека, сопровождающееся идеей о необходимости совершения противоправных актов насильственного характера, оправдываемых верой.

Радикализации, к сожалению, подвержены все религиозные традиции и учения. Однако ввиду исторических предпосылок и иных, прежде всего, социально-политических факторов, наиболее актуально сегодня стоит проблема радикализации ислама. Категорически недопустимо огульно отождествлять ислам с экстремизмом и терроризмом или иной противоправной деятельностью. В то же время, ислам – самая молодая религия из числа мировых и одна из самых многочисленных по количеству приверженцев.

Религия, в частности ислам, играет важную ключевую роль в социально-политических, социально-экономических, социально-культурных и иных процессах в государствах ближневосточного и среднеазиатского регионов. Ислам в государствах указанных регионов является традиционной, «коренной» и исконной религией, которая имеет свои политические тенденции и направления, а также политические способы и приёмы выражения и реализации. Религия, политика и государственная власть в государствах указанных регионов за многие годы научились сосуществовать, взаимодополнять и взаимодействовать друг с другом. Чего нельзя сказать о процессах, связанных с исламизацией светских государств. В последнее время прослеживается тенденция с экспансией исламистских ценностей в государствах, где ислам не является традиционной религией, к увеличению мусульманского населения как в Европе, так и в России, что, несомненно, приводит к эскалации исламского радикализма не только в европейских государствах и России, но и во всем мире, что даёт нам основание утверждать, что современная теория криминологии, к сожалению, не успевает за интенсивно развивающимися, как количественно, так и качественно, процессами криминализации социального пространства исламского радикализма, весьма активного проникновения их в сопредельные, не связанные до сих пор с исламом, области социальных взаимодействий [4, с. 79-83]. Кроме того, в последнее время во многих государствах и даже отдельных регионах некоторых держав отмечается политизация исламистского движения, создаются политические

партии и общественные движения радикального исламистского толка и направленности, основная цель которых инкорпорирование исламских ценностей в современный светский социум, придание исламу статуса государственной религии, создание панисламистского государства [5; 6].

Именно популярность ислама в мире, а также вовлеченность населения нашей планеты, исповедующего ислам, во множество региональных и глобальных конфликтов и войн, способствует радикализации ислама и проявлениям данного направления религиозного радикализма в экстремистской и террористической деятельности.

Для наибольшего понимания вышесказанного, требуется обратиться к истории, а именно к истокам зарождения таковых идей. Распространённой ошибкой является представление салафизма¹ как некоего «космополитического», «вненационального» течения в исламе, оторванного от каких-либо этнических и национальных корней, как возврата к якобы «чистому исламу» без этнических примесей. Сама логика возникновения теоретического салафизма в трудах Ибн Таймии² и практического салафизма у Мухаммада ибн Абдул-Ваххаба³ и их последователей указывает на гипернациональную основу этого течения с приоритетом именно первоначально, то есть «аравийского» ислама, как его восприняли кочевые племена ещё в XVII веке с их менталитетом и традициями. Данное радикальное религиозное направление – это не ислам через чистую призму науки, а ислам через идеологическую призму арабских националистов, пытающихся воссоздать собственную интерпретацию веры через быт, традиции и культуру аравийских кочевых племён средневековья и зацементировать эту интерпретацию как якобы данную всем и на все времена.

Стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность не обладают достаточными познаниями арабского языка, ввиду чего не имеют реальной возможности воспринимать тексты Корана и Хадисов пророка. Существует правило, что Коран необходимо изучать исключительно на арабском языке, а не на каком-либо другом по причине потери его «Божественной сущности» при переводе. Следуя данному правилу, большая часть экстремистов доверяется толкованиям Сур и аятов Корана своих «наставников-учителей». Многие из таких лиц не знают, что при жизни пророка Мухаммеда с его слов было записано отнюдь не такое количество Хадисов (изречений пророка), которые после его смерти стали приписываться ему. Многие из Хадисов являются выдумкой и не имеют ничего общего с изречениями самого пророка, и поэтому входят в явное противоречие с фундаментальными мировоззренческими основами Корана [7, с. 22-25].

Так, нередко приходится слышать от мнимых приверженцев «ислама», что поскольку Коран – это последнее по времени ниспослания Священное Писание, а Мухаммед является последним пророком Единого Бога (печать пророков), то все люди земли обязаны строго следовать тем нормам и правилам, которые в нём изложены. А те, которые отвергают законодательство (шариат) Корана, должны считаться безбожниками и отношение к ним должно быть, как к лицам, отвергающим волю истинного Бога, т.е. как к язычникам («неверным»). Требования Корана также категоричны в части навязывания веры. Категорично сказано: «не разрешил в религии Он принуждения». Данные слова можно назвать одним из важнейших мировоззренче-

ских положений Корана, который пронизывают всё его содержание, однако реальность диктует иные условия восприятия изречений святого писания, вследствие чего радикалы-проповедники имеют реальную и оправданную по их взглядам возможность воздействия на других.

Следует сказать, что всех «врагов» Коран нередко объединяет в единое целое, называя их словом «неверные», т.е. неверными Единому Богу. Однако, изучивши основы Корана, можно заметить, что и иудеи и христиане считаются «людьми писания». Соответственно истинное толкование понятия «неверные» противоречит тому, что внедряют в мировоззрение масс лица исповедующие радикальный ислам. Приведём пример из Корана. «Но не человеку решать, кто из людей «верен» Богу, а кто нет, а тем, более, наказывать за кажущееся ему «неверие» (Сура 4:94; 7:198). Такое право не было предоставлено даже пророку Мухаммеду, которому рекомендовано лишь предостерегать «неверных» Днём Господнего Суда (Сура 2:139; 6:159, 160; 30:52,53) [8].

Отсутствие у человека фундаментального религиозного образования, или наличие не качественного образования приводит к отходу от истинной религиозной культуры и нередко приводит к фанатизму, что не позволяет религиозному человеку критично обратиться в свой духовный мир, даже напротив предполагает критичное обращение к реальному миру. Данное положение со временем предполагает радикальные взгляды. Радикальные взгляды в свою очередь имеют возможность превращения в лозунги и призывы экстремистского толка. На основе этих призывов и лозунгов нередко осуществляются террористическая деятельность. Важно отметить, что разница между этими ступенями находится не в религии, а в идеологии, которая использует религию в качестве оружия для достижения определенных целей. Необходимо также отметить, что разница между ними зависит от индивидуального психического восприятия, и переход от одного уровня на другой уровень может длиться от нескольких дней до нескольких лет.

Религиозные радикалы осуществляют свою деятельность по образу и подобию adeptов сект и используют самые разнообразные психологические приемы. Например, активное подкрепление, яркое одобрение нужных суждений, поступков – и осуждение нежелательных. Предугадывание реакций, «чтение мыслей», необыкновенная убедительность могут достигаться типичными методами нейролингвистического программирования. Дело в том, что установления, законы и заповеди, данные в Торе, а следом, в Новом Завете и Коране, со временем перестали удовлетворять запросам и велениям новых условий жизнедеятельности. И поэтому появилось множество толкований тех или иных норм Священных Писаний, направленных на их приспособление к изменившимся запросам общества, политической и геополитической надобности. А любое толкование предполагает наличие инакомыслия, которое отнюдь не способствует единству общественного сознания. И этим вполне закономерным процессом не могли столь же закономерно не воспользоваться в отнюдь не в поисках духовных истин самые различные личности, политические, государственные и религиозные деятели, которые обещанием справедливости и благоденствия увлекали за собой массы людей на борьбу с «неверными».

Опасной тенденцией современности является религиозная радикализация мест принудительного содержания. В целом за последние годы мы можем наблюдать рост количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и

экстремисткой направленности. Так, за преступления террористического характера (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ) было осуждено в 2014 году – 57, в 2015 году – 79, в 2016 году – 167, 2017 году – 262, за первое полугодие 2018 года – 124 человека. За преступления экстремисткой направленности (ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) было осуждено в 2014 году – 375, в 2015 году – 483, в 2016 году – 545, в 2017 году – 605, за первое полугодие 2018 года – 259 человек [9].

Как уже отмечалось, в большинстве случаев совершение данных преступлений имеет религиозную мотивацию. Находясь (преимущественно длительные сроки) же в местах лишения свободы (и иных местах принудительного содержания) данные лица, как правило, не только не отказываются от своих взглядов, продолжают псевдорелигиозное обучение и самообучение, но и втягивают в орбиту своей преступной деятельности все больше количество новых лиц.

Ситуация в отечественной пенитенциарной системе соответствует мировой тенденции – увеличению количества лиц, находящихся в местах принудительного содержания, исповедующих ислам. При этом в пенитенциарных учреждениях появляется все больше религиозных общин – джамаатов, которые приобретают все большее влияние на осужденных. Представители данных общин не посягают на устоявшуюся в местах лишения свободы систему ценностей и авторитетов, существуя как бы отдельно, сами по себе. Главная опасность тюремных джамаатов в том, что исповедуется в них преимущественно радикальный ислам, представляющий реальную угрозу, причем не местного, а мирового масштаба. Воровские понятия девальвируются, и на смену им постепенно приходят положения исламского фундаментализма. Идеологию, процветающую сейчас в местах лишения свободы специалисты называют «упрощенный ислам». Используя его положения, нарушителю закона легко объяснить и оправдать свои действия борьбой с «кяфирским государством», то есть государством неверных, и жизнью по шариату. В таких джамаатах делается все для популяризации радикального ислама и увеличения количества его приверженцев. Следует отметить, что данная тенденция затронула не только Кавказ, но и большинство тех регионов России, в том числе Поволжье и Урал, Подмосковье и север страны [10].

В своей сущности религия должна играть роль средства исправления осужденных, их дерадикализации, однако данный механизм сегодня, к сожалению, не работает. Говорят, в местах принудительного содержания на самом деле нет атеистов. И с этим, наверняка, стоит согласиться, учитывая потребность человека в вере, прямо пропорционально возрастающую в условиях ограничения свободы и воли человека.

Лица, исповедующие радикальные направления ислама, ставят своей целью вербовку в местах лишения свободы наибольшего количества последователей учений богословов, призывающих к возвращению к «чистому исламу». Цель такой религиозной радикализации широких масс лиц, находящихся в местах принудительного содержания – не только увеличение количества адептов радикального ислама, но и вовлечение их в дальнейшем, после освобождения (а также и во время отбывания наказания, путем использования материальных ресурсов, служебного положения и прочих возможностей их родственников и близких), в экстремистскую и террористическую деятельность.

Опасность религиозной радикализации заключенных состоит в возможности дестабилизации ими ситуации в местах лишения свободы, в возможности пополнения рядов экстремистов и террористов после освобождения из мест принудительного содержания. Заключённые, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, общественной безопасности и общественного порядка являются по сути дела готовым «материалом» для использования его после освобождения в целях осуществления террористической деятельности, т.е. люди ранее совершавшие соответствующие преступления не требуют такой подготовки, как люди, не имеющие преступного опыта.

Следует учитывать, что активная «проповедническая» деятельность может начинаться ещё в следственном изоляторе, где большое количество подследственных по различным статьям находятся в одной камере и завербовавши определённое количество людей на этапе нахождения в СИЗО радикал делает большую часть своей работы, ведь в последующим уже осужденные распределяются по разным учреждениям, где они будут продолжать деятельность по вербовке новых последователей радикальных религиозных идей.

Детерминация религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, находятся в прямой зависимости от состояния пенитенциарной системы каждого государства.

К основным объективным факторам, связанным с особенностями функционирования отечественной пенитенциарной системы, на наш взгляд, следует отнести, прежде всего, следующие:

- разнородные социальные группы лиц, находящиеся в местах принудительного содержания. Наличие обширного, разнородного контингента в местах лишения свободы весьма в числе которых немало людей, считающих себя незаслуженно осужденными и обиженными, униженными и оскорбленными обществом, властью и социальным устройством страны, обеспечивает благоприятна для вербовочной деятельности;

- «отрядные» условия содержания осужденных, создающих возможность постоянного контакта большого количества лиц;

- отсутствие надлежащего мониторинга религиозного и идеологического критериев количественно-качественного состава лиц, находящихся в местах принудительного содержания, их распределения по соответствующим учреждениям ФСИН и дальнейшего оперативного сопровождения;

- недостаточная работа по выявлению радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, недостаточная квалификация и подготовка оперативных сотрудников ФСИН и штатных психологов, отсутствие научных и методических разработок по профилактике, предотвращению и пресечению религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов и пр.

К субъективным детерминантам религиозной радикализации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, следует отнести, прежде всего, следующие:

- нарушение критического мировосприятия в связи с нахождением в условиях изоляции, лёгкая внушаемость осужденного, невозможность оказания психологического противостояния;

- повышенная подверженность психологическому заражению в силу угнетенного психического состояния лица, длительного, изолированного от внешнего воздействия, контакта с определенным кругом лиц;
- низкий уровень образованности, отсутствие общего образовательного знания о вере и религии;
- правовой нигилизм, установка на отрицательное отношение к законодательству, правоохранительным органам и государству;
- духовный и информационный «голод»;
- возможность оправдания преступного образа жизни, прежде всего, экстремисткой и террористической деятельности, верой, в том числе посредством «недоступного» большинству «правильного» толкования Священного Писания;
- заманчивость идеологической и духовной составляющей жизни адептов того или иного радикального вероучения, возможность моментально стать членом единого «духовного братства», где существуют взаимовыручка, поддержка, четкий порядок и справедливость, причем, справедливость не по человеческому разумению, а по Божественному закону, данному в Священных Писаниях;
- поиск защиты в принятии радикального вероучения для заключенных с низким социальным статусом. Отличительной чертой религиозных радикалов в пенитенциарных учреждениях является возможность принятия в свои ряды лиц с низким социальным статусом. С одной стороны, это не приемлемо для традиционного криминального сообщества, с другой это единственная возможность для таких осуждённых обрести защиту;
- необходимость психологической разгрузки лица, который находит такую возможность в религии и пр.

Значительную роль в выявлении радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращении и пресечении религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстремистов и террористов принадлежит играющая деятельность, осуществляемая сотрудниками ФСИН совместно с представителями различных признанных религиозных конфессий.

Однако радикально настроенные заключённые считают таковыми сотрудниками правоохранительных органов и, как правило, в категорической форме не воспринимают возможность конструктивного контакта с ними. По факту, к сожалению, многие священнослужители признанных религиозных конфессий, откровенно слабы в проповедническо-вербовочной деятельности по сравнению с религиозными «наставниками» экстремистских течений.

В связи с этим есть необходимость проведения со спецконтингентом работы сотрудниками ФСИН, с привлечением священнослужителей и специалистов в области теологии, по обличению ошибочности мировоззренческих позиций радикально настроенных осужденных.

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать, что религиозная радикализация является одной из глобальных проблем для нашей страны. И сегодня данная проблема является крайне актуальной для пенитенциарной системы. Остро стоит вопрос о необходимости усовершенствования деятельности ФСИН России в части изучения радикальных религиозных течений, выработке методик выявления радикально настроенных лиц в местах принудительного содержания, предотвращения и пресечения религиозной радикализации спецконтингента со стороны экстре-

мистов и террористов. Обоснованной является необходимость введения в штат теологов, с целью квалифицированного анализа деятельности приверженцев тех или иных религиозных воззрений, повышения эффективности выявления лиц, исповедующих радикальные религиозные взгляды, обличению ошибочности их мировоззренческих позиций, а также выработке адресных мер по их дерадикализации.

Список литературы:

1. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (41). – С. 48-49.
2. Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А. Н. Игнатов, А. А. Кашкаров, Д. В. Новиков. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – 208 с.
3. Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти // В сборнике: Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Игнатова А.Н. – 2012. – С. 151-156.
4. Кашкаров А. А., Штехбарт А. Л. К вопросу об общественной опасности исламского радикализма в современном светском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 79-83.
5. Кашкаров А.А. Политизация исламского радикализма, как фактор распространения экстремистской идеологии и террористических убеждений // Крымские юридические чтения. Преступность и общество. Сборник материалов научно-практической конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией Н.Н. Колюки. – 2018. – С. 49-52.
6. Кашкаров А. А. Радикализация ислама в Крыму, как угроза криминологической безопасности юга России // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 65-66.
7. Оганесян С. С., Годованец О. Г. Проблемы, задачи и методы противодействия религиозному экстремизму в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (окончание) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 10(173). – С. 22-25.
8. Коран. Перевод смыслов и комментарии иман Валерии Пороховой. Изд. десятое, дополненное. – М., Рипол Классик, 2008. – 800 с.
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014-2017 годы, первое полугодие 2018 года (форма № 10-а) / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.04.2019).
10. Пронин И. Ислам в авторитете // Совершенно секретно. № 19/348. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/> (дата обращения: 01.04.2019).

Ignatov A.N., Abisova K.S. Religious radicalization of places of detention as a factor of extremism and terrorism // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 3. – P. 136–144.

The article deals with the problem of religious radicalization of modern society, the relevance of which is due to the fact that in the conditions of an ideological vacuum and cultural impoverishment of a person, there is an active manipulation of his human consciousness. In the process of religious radicalization, a person acquires extremist views, based on radical dogma, a radical destructive change in the human consciousness occurs in him, a motivation is being formed to commit unlawful violent acts justified by faith. Using pseudo-religious values, the ideologists of extremism and terrorism manipulate both individuals and the mass consciousness of people. A dangerous tendency of modernity is the religious radicalization of places of detention, which takes place against the background of a steady increase in the number of persons convicted of crimes of a terrorist nature and extremist orientation. The danger of religious radicalization of prisoners is the possibility of their destabilization of the situation in places of detention, the possibility of replenishing the ranks of extremists and terrorists after being released from detention. The determination of the religious radicalization of persons in places of detention is directly dependent on the state of the penitentiary system of each state. Insists on the need to improve the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the study of radical reli-

gious movements, the development of methods to identify radical people in places of detention, to prevent and suppress religious radicalization of special contingent by extremists and terrorists.

Keywords: religion, radicalization, places of detention, imprisonment, extremism, terrorism.

Spisok literatury:

1. Ignatov A. N. Krizis duhovnoj sfery kak faktor determinacii ekstremizma, terrorizma i kriminal'nogo nasiliya v celom // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 3 (41). – S. 48-49.
2. Kriminologicheskij analiz ugroz ekstremistskogo haraktera v Krymskom federal'nom okruge: monografiya / A. N. Ignatov, A. A. Kashkarov, D. V. Novikov. Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2016. – 208 s.
3. Ignatov A.N. Latentnost' prestuplenij, sovershaemyh na pochve nenavisti // V sbornike: Protivodejstvie ksenofobii, ekstremizmu i terrorizmu v sovremennom obshchestve. Nauchnye trudy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej Ignatova A.N. – 2012. – S. 151-156.
4. Kashkarov A. A., SHtekhbart A. L. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti islamskogo radikalizma v sovremennom svetskom obshchestve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2018. – № 2. – S. 79-83.
5. Kashkarov A.A. Politizaciya islamskogo radikalizma, kak faktor rasprostraneniya ekstremistskoj ideologii i terroristicheskikh ubezhdenij // Krymskie juridicheskie chteniya. Prestupnost' i obshchestvo. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. Pod obshchej redakciej N.N. Kolyuki. – 2018. – S. 49-52.
6. Kashkarov A. A. Radikalizaciya islama v Krymu, kak ugroza kriminologicheskoy bezopasnosti yuga Rossii // Problemy primeneniya ugolovnogogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2018. – S. 65-66.
7. Oganessian S. S., Godovanec O. G. Problemy, zadachi i metody protivodejstviya religioznomu ekstremizmu v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii (okonchanie) // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2011. – № 10(173). – S. 22-25.
8. Koran. Perovod smyslov i kommentarii iman Valerii Porohovoj. Izd. desyatoe, dopolnennoe. – M., Ripol Klassik, 2008. – 800 s.
9. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014-2017 gody, pervoe polugodie 2018 goda (forma № 10-a) / Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii // Elektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 01.04.2019).
10. Pronin I. Islam v avtoritete // Sovershenno sekretno. № 19/348. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sovsekretno.ru/articles/id/4826/> (data obrashcheniya: 01.04.2019).